

Александр Рухлов родился в городе Кургане в 1988 году. Автор двух поэтических книг: сборника «Мосты времени», уличной поэмы «Шпана», монографии «Холст 37 на 37... Леонид Губанов: в поисках портрета» Кандидат филологических наук. Печатался в журналах «Тобол», «Сибирский край», «Курган. Текст», «Веретено», «Волга XXI век», «Дон», «Чаша круговая», «Молодая гвардия», «Наш современник» и др. Член Союза писателей России с 2018 года.

Александр Рухлов
г. Курган

Шпана

Уличная поэма

Пролог

Окраина

Это вам не «лайк» на стене —
Здесь на стенах пишут иное.
Слово крепкое ищут в вине
И ругаются за стеною.

Тут не комментарии удалить,
Не, на форумах спрятавшись, спорить —
В непроглядной серой пыли
Проще правой пробить с упора.

Это вам не клик-перепост
С похвальбою айфоном новым —
Милицейский минуя пост,
Мчать на клич пацанов дворовых.

Это вам, ребята, не в масть —
Социальные, но не сети.

В жёсткой сети улиц пропасть
И не выпутаться без отметин.

Что вам здесь? Вам какой здесь резон,
Где общаги, бараки, срубы?
Здесь, где низкий грызут горизонт,
Словно лес, заводские трубы, –

Здесь мы, зубы сильнее сжав,
Под откос полетев, под горку,
Из отцовских старых кожан
Вырастали бурьяном горьким.

Подходите – поговорим.
Мы за этим в карман не лезем.
Мы – бродяги, босота, воры,
Полутьма по углам подъездов.

В подворотнях ветра ноября –
Вы не вспомните нас, горожане!
Только тени на пустырях,
Да окурки за гаражами.

Напрямик: от сумы – до тюрьмы.
Ничего по себе не оставим.
Мало ль было таких, как мы –
Улетали все в осень листьями.

Ты запой, гитара, с тоски,
Через край переполни сердце!..
На окраинах городских
Есть кварталы другого детства.

Картина первая

ПАЦАНКА

Пацанка

Уличная серенада

Эй, недотрога! Девочка! Пацанка!..
Я звал тебя – чуть голос не сорвал!
А ты не слышишь: с пацанами, как на санках,
На ржавом кузове – в глубокий котлован!

Ты слышишь, милая моя пацанка!
С глазами, голубыми, как... вагон.
Мне до тебя – на электричках, с пересадкой,
Как за руном – в твой заводской район.

Зачем? Сказать?! Ну ты даёшь, пацанка!
От уличных устала, видно, битв!
Ведь просто всё: ты – Санька, и я – Санька.
Все ж будут путаться! А я – тебя любить.

Послушай, с чёлкой непослушною пацанка!
(Не прячь глаза и руки вынь из брюк!)
Я шёл к тебе – по снегу март прошамкал,
Я шёл, бросая сигареты ноябрю.

Девчонка! Слушай!.. Если нет – забыли.
А только я не от простой поры:
Глаза твои – так нежно голубые! –
Распахнуты, как талые дворы.

Скрипач с окраины

У ларька с кривой картонкой «Стеклотара»
Старый поворот за гаражи.

Пацаны поют пацанкам под гитару –
Слух острее, чем финские ножи.

«Эй, постой! Тебе чего – опять эмоций?».
Не допросишься пощады у судьбы!..
«Слышь, малой, тебе чего неймётся?
Ты чего опять со скрипкой здесь забыл?!»

Мимо надписи корявой «Стеклотара»,
Как назло, из школы путь домой.
Ручку сжав многострадального футляра,
Паренёк бежит под свист и вой.

Думал, не заметят, отвлекутся –
И опять не выдержал дресс-код!
Снова спор неравный чистого искусства
С хриплой красотою городской.

Вечер тёмный, так что хочется зажмуриться.
Страшный сон причёсанных мальцов:
Вновь из-за угла чужая улица,
Где тебя, к несчастью, узнают в лицо.

Ждать

Перекрестья кварталов колкие,
Годы долгие ожидания.
Тишиной ли глаза наполнены,
Листопадами ли, дождями ли.

Переулков гулкие заводи,
Заводские гудки привычные.
– Нам с Тобой заповедано заново
Ввысь лететь со стаями птичьими!..

Я приду, у зари заберу Тебя.
Там, где ливнями смыло классики,
Нам и храмы поют к заутрене
Заводских гудков громогласнее.

– Приходи, забери у зари меня!..
Здесь окраина канула в сумрак,
Но по сумеркам руки незримые
Перекрестья судеб рисуют.

На краю тоски, за околицей
Мы нашлись, мы сошлись над безднами –
Так миры невозможные сходятся
В голубых далёких созвездиях.

Так в счастливом полынном отчаянии
Прорастает трава сквозь трещины.
Так глазами в толпе встречаются,
Чтобы руки навеки скрещивать.

Язык любви

О любви говорят в стихах.
Заповедали нам поэты
Лёгкой пушкинской рифмой порхать,
Как Петрарка, не спать над сонетом.

О любви в стихах, нараспев
Одиноко рыдал Овидий...
Он пришёл без слов, против всех.
Он один – за неё, за обиду.

Били больно. Большой толпой.
Умывали землёй и кровью.
Потому что пришёл чужой
Под чужие неровные кровли.

Были даже в чём-то честны:
Он пришёл со своим уставом.
А такое водою не смыть.
Били сильно и были правы.

Потому что он был молчалив.
Был безмолвие, месть и нервы.
Никого ни о чём не спросив,
Он наотмашь ударил первым.

Они встали за своего.
«Наших бьют!» – закричал Кирюха.
Раскололся небесный свод,
Когда кто-то – ногою, в ухо.

Он горстями небо хватал,
В кулаках его крепких прятал.
Взвился свист, разбудил квартал –
Участковый! Атас, ребята!

Мент пытал: «Знаешь тех парней?
И чего тебя били ради?».
Он с улыбкой молчал – о ней,
Отвечая: «За дело, дядя».

Лейтенант стал его ругать,
Только бестолку, словно климат.
Он, прищурившись, прятал в рукав
На запястье короткое имя.

И сочилась кровь из скулы,
Как саднят небеса сквозь клёны.
Пиджака запахнул полы
И на землю сплюнул солёным.

Шёл, от боли слегка горбат.
И она не сразу узнала.
Но прочла на распухших губах
Молчаливую прозу признанья.

Диалог о великой любви

– Всё сказано давно и ясно всё:
Шекспир, Дюма, Петрарка, Дант, Басё –
Все о любви. Да не новы слова:
Касанья, ночи, пенье соловья...
Об этом всякий чепуху в стихах несёт.

А что ты о любви великой знал?..
– А я?.. А я украл дорожный знак.
И нёс, как сердце... «Уступи дорогу».
Дорогу к сердцу уступи мне, недотрога...
А что ещё? А что ещё сказать?..

«Что знал ты о любви?» – спросил поэт.
А я ладонями носил рассвет,
И, обжигаясь, поливал сирень под окнами,
И закрывал глаза, от счастья мокрые,
И в неостывшую постель бросал букет.

Спросил поэт: «Что о любви ты знал?»
А я бежал без спросу на вокзал,
И брал билет за тридевять земель,
Чтоб на асфальте написать о ней,
И уезжал, неузнанный, назад.

А ты, поэт, что знаешь о любви?
Не торопись меня ты перебить!
А ты по ссадинам прочти, как по листу:
Любовь не мимолётна, как просту-
Да! Много пройдено – так много впереди!..

Скажи мне, ну?! Что знаешь о любви?
Как вдоль дороги кровоточил ряд рябин,
А на губах закровоточили признания –
Скажи, поэт! хоть это-то ты знаешь?!..
Молчишь?.. Она сильнее слов любых.

Что ты, поэт, мне скажешь о любви?..

Картина вторая **РИКОШЕТ**

Песня про Эхо

Рикошетит эхо во дворах –
эво как!
От панельных и кирпичных стен –
новости!
И старухи на скамьях
невпопад
Глухо шамкают: мол нет
совести.

От двора шумит к двору
Весь квартал.
Носит эхо на крылах –
С края в край:
О любви своей в зарю
Заорал,
Словно тропка повела
Прямо в рай.

Словно мячик по двору –
об асфальт! –
Скачет эхо, от земли к небу

мечется.
Мне б однажды поутру
эхом стать,
Мне бы эхом твоим стать,
девочка.

Запропасть вдруг на три дня,
словно тать.
И рассыпаться строкой
в гулких улочках.
Папиросок настрелять
у гитар,
Что не спали до утра –
дурочки.

Рикошетить-рифмовать
по дворам,
Голоса у крикунов
подворовывать.
Коль не делится любовь
пополам –
Забери Ты всю мою
жизнь бубновую!

Картина третья
ЗАЗЕРКАЛЬЕ

В чём отражается улица?

Где ты прячешь отраженье?
За которым зазеркальем,
Дальним, зыбким побережьем,
Где зимуют стаи дней?
...Нежно финский ножик режет,
Словно древний стих наскальный:

«Лёха» – выше, после – «Женя»,
Знак «равно», как отраженьё...
Где искать мне отраженья
Улицы родной моей?

В зеркалах заднего вида
Дорогих автомобилей.
Взять: свинтить с капота цацку
И по-быстрому – свинтить!..
Было дело – больно били...
Но! Не упустил из виду
Случай вновь за цацку взяться,
На трамвай запрыгнуть зайцем,
Раствориться, затеряться –
И... прикинуться святым!

Потому, что мимоходом,
Свет кокардой отражая,
Ходят милиционеры,
Носят солнце на ремне.
Что вы, добрые граждáне!
Берегу ваш сон и нервы!..
Нет! Спасибо – своим ходом.
...Быстро за угол – и ходу!
В арках, тупиках проходы
Путь домой подскажут мне.

...В стёклах окон, в окнах тёплых,
Где заваривают вечер,
Как в стаканах чайных, мамы,
В кухнях жёлтых закружась.
Унести б с собой, да не в чем:
Город, отражённый в стёклах,
Буквари, где мамы в рамах,
Шорох уличной рекламы, –
Черпать пригоршнями прямо –

И ладони не разжать!

И в движеньях-отраженьях.
Я тебя к себе прижал бы,
Наизусть бы чтоб телами
Нам друг друга повторять.
Удивляться: «Неужели?..»
И глазами-зеркалами,
Отражая, обожая,
И сближая губы с жаром –
Хороши, как парижане! –
Целоваться жизнь подряд!

И в глазах моих – влюблённых.
И в глазах твоих – любимых
И в глазах твоих, что любят,
В тех глазах, что я люблю.
...За околицей калёной
Все дороги водят мимо.
Стороной обходят люди,
Как незапертые люки –
Те, что паром в холод лютый
Греют руки декабрю.

Где искать мне зазеркалья,
Отраженья, черт знакомых?
Чтоб прочесть, как по портрету,
Улицу читать с листа.
Фонари не спят у дома,
Прячут свет, как сигарету,
На окраинах опальных,
На районах дальних, спальных,
Чуть шатаюсь, где попало
Отражаясь просто так.

Хулиган со скрипкой

Ты, наверно, не узнаешь никогда,
Не расслышишь в гулком эхе арок...
В сероглазом переулке – ни следа,
Только серый дождь по тротуарам.

Дождь... Какой же прок ему другим
Становиться, чтобы в лужах отражаться,
Об оконное стекло себя дробить,
Охлаждая жар былых рукопожатий...

Ты меня теперь возьми... и не дождись.
Всё забудь, что не случилось между нами.
В лужи превращаются дожди,
Чтобы снова становиться небесами.

Я исчез, чтоб снова стать самим собой.
Словно дождь, ушёл под камень, в землю,
Чтобы чёрных нот земная соль
Выросла в щебечущую зелень.

Нет, я не пойду тебя искать,
Тишь окраины шагами не нарушу...
Звук слезы, в ночи скатившийся с виска,
Оглушительно упавший на подушку.

Так, наверно, шепчут в тишине,
В дальних заполюночных низовьях,
И целуются, чтоб только не шуметь, –
О любви словами нет резона.

Ни слова, ни слёзы не к лицу,
Не к листу мои нечаянные рифмы.
Ты прости мне – хулигану, наглецу! –
Над кварталом плачущую скрипку.

Это моя стылая тоска
Обернулась обертонами резными.
Нет, я не пойду тебя искать...
Только скрипка не забудет твоё имя.

В ней тоске, как в отражении, замирать...
Звук дождя по мостовым булыжным.
Разрыдайся, скрипка, за меня!..
Может, всё-таки, и ты меня услышишь?..

Картина четвёртая

УЛИЧНАЯ ГРАММАТИКА

Ветер

Ветер на улице. В дальних кварталах ветер.
В спальных районах, где новостройки зябнут.
На лоскуты землю кромсают синие ветви,
Тени тревожные тихо крадутся сзади.

За угол – рраз!.. Тишину разговором
разрушат резким
Рыцари улицы, пасынки подворотни.
Ветер в лицо. Волком вой – не ответишь веско,
Если вдруг сдуру вздумал путей
поискать коротких.

Здесь не в чести реверансы и сантименты,
Как-то не приняты стансы и серенады.
Тут за своих метят ударом метким.
Если не местный – носа совать не надо.

Что тут в чести, по какому живут
пацаны закону?

(Ветер шумит – ищет под дверью
пошире щели).

Доблесть – простая, будто кусок бетона.

Слово – убойное, будто бы крупный щебень.

Сердце – горячее, как полстакана спирта,

Из бутылки на круг, в гаражах,

на морозе, залпом!..

Долгий отмерен век для посуды битой,

Только бы ей сегодня дожить до завтра.

А остальное – морока, морская пена.

Ветер, не плачь! Вряд ли горю помочь слезами.

Проще в ответ ему расхохотаться нервно –

Эти ребята не понаслышке об этом знают.

Ты иди стороной – скорым неслышным шагом,

Но не путай следы, если это – твоя дорога.

Треплет ветер пальто, как по карманам шарит.

Ветер не плачет. Ветер – мужского рода.

Слово женского рода

I.

Слово «улица» женского рода,

Оттого и ревнива так.

Нет проходим житья и прохода

От вечерних пацанских ватаг.

Ставить некуда, вроде бы, пробы –

Протокольный, пропавший, прах!..

Отчего же ты вдруг так робок,

Так неловок при пацанах?

– Род бы женский благим бы матом

До седьмого колена покрыть!..

Заменял он рубаху измятую
Белоснежной – как пара крыл!

Парень сердце вынул наружу
И не видит, что прёт на ножи.
Отражается улица в лужах,
По которым влюблённый бежит.

Выбирай. Обе – женского рода.
Замирает голос в груди.
Да, любовь – она недотрога,
Но и улицу – тронь поди!

Если первая – алое пламя,
То вторая – красный кирпич.
Там парнишка с цветами замер –
Тут чугунный застыл Ильич.

Усмехнутся кварталы криво
И бараки опустят глаза.
Путь домой в переулках ревнивых
В полумраке найти нельзя

В городских силуэтах неясных...
И любовь не минуешь вброд.
Драматическая развязка –
Грамматически женский род.

II.

Слово улица – женского рода.
Как босота, братва, шпана...
– Отчего так строга ты с порога,
В чём вина моя?!.. – В именах.

Простоту моих серых линий,
Повседневный скромный наряд
Променял ты на женское имя –
На любовь сменял почём зря.

...Сердце улицы – женского рода.
Я был с нею – не брат, не сын...
Я другую за руки трогал –
И остался теперь один.

А на улице – Клим, Серёга...
Всех бы встретить да руки пожать...
Дружба тоже ведь женского рода –
Так какого ж искал я рожна?!..

Ах, удача – птица-девица!
Ни кулак не достал, ни нож,
А теперь? Головою ли биться,
Словно в стену ли вжаться в ночь?

Не простят кореша лихие...
Ну а ты – и совсем забудь.
Я глаза до боли сухие
Прячу в ночь, будто матери в грудь.

С тёмным прошлым – ночной породы! –
Да и завтра – хоть глаз коли.
Беды знал я, но этаких – сроду...
А теперь – хоть ссыпай в кули!

А теперь чему предан был – продано.
Всю грамматику – к чёрту свёл!..
Одиночество лишь – безродное, –
Да полпачки в придачу. Всё.

Картина пятая
РОДИТЕЛЯМ

Родители

Там, где небо пронзительно,
Где кресты покаянные,
Целовались родители
Под цветущею яблоней.

Летним днём очарованы,
Осторожно и вкрадчиво...
– Твои губы вишнёвые...
– Твои руки – горячие!..

А забудутся прозою –
Вновь закружатся парюю!..
Тихой раненой бронзою
Листья с яблони падали.

И о чём только пели вы,
Чуть касаясь земли?
Это яблони белые
На висках зацвели.

Голос отца

Сквозь сплетение голых ночных ветвей –
Лишь неверный контур двора.
Скрип качелей. Песочница чуть левей,
Где когда-то жила игра.

Сквозь декабрьские сумерки и года
Я опять побегу босой.

Из карманов рассыплется пусть календарь
Чёрно-красной сухой лузгой.

А дожди застигли врасплох бельё –
Не хотят отпускать домой!..
Не разборчив твой почерк, детство моё,
Как соседский спор за стеной.

Кто-то, тщась спасти всё, что было до,
Имена на скамьях вырезал.
То ли мокрые простыни застыт двор,
То ли слёзы стоят в глазах.

Что осталось от детства, секрета в столе,
Одуванчиков из венка,
От крестильных рубах и тех простыней?
Только тонкий пунктир звонка.

Те, кто в детстве бывал, те меня поймут –
Так привычно маме звонить.
Потому что мать – это нить сквозь тьму,
Ариаднова светлая нить.

Но пускай белый лист, словно белый пёс,
Слижет светлые слёзы с лица.
Я прислушаюсь к пульсу полночных колёс
И услышу вдруг голос отца.

– Расскажи: стоя в жёлтом пролёте штор,
Вечерами о чём ворчал?

– Просто думал, что ты насовсем ушёл,
На притон променял причал.

– А ты знаешь, я помню, как были близки
Облака с твоего плеча...

Тихий снег осыпает отцам виски.
О любви к сыновьям ворчат.

– Расскажи мне про то, как ты был молодым,
К небесам поднимал глаза.
Ты опустишь глаза: «Давай помолчим,
Не воротишь время назад».

Не вернёшь назад, не свернёшь с пути,
Не вращать назад циферблат.
Так не просто бывает слова найти –
Так немного вслух сказать.

Позвонить – так просто, среди бела дня,
Пряча в голосе дрожь руки.
Я люблю тебя, папа. Как ты меня.
Молчаливо так. По-мужски.

Эпилог

Моя шпана

Не пряча глаз и лампы не гася,
Страницы перелистываю снова,
Чтоб дальние услышать голоса,
В которых узнаю своих, дворовых.

Всю ночь на лавочках не молкнет разговор.
Пускай ругается соседка, как биндюжник!
А мы всегда умели дать отпор –
Хореем, ямбом или чем похуже.

Вставали друг за друга – нечем крыть!
В стихах тетрадь, лицо и руки – в саже.
Мы – выкормыши голубиных крыш,
И кормщики корабликов бумажных.

От новостроек спасу нет – в глазах серо.
Но снова, снова, как во время оно,
Шагает по бульварам Сирано
В обнимку с разгулявшимся Вийоном.

А, разгулявшись, метили в пророки,
С гармошкой врывались в бальный зал!..
За что ж вы так рязанского, Серёгу...
Успел лишь «до свидания» сказать.

Всех вас, кто не умел сдержат зевоты,
Строкою острой, как заточкой, угостит
Владимир, вторя меднобасому заводу,
На узкой лесенке подстерегая стих.

Ну а когда опять весна настанет,
До дна достанет подворотного нутра,
В Большом Каретном не смолкать гитарам –
До хрипоты, до раннего утра!

В кварталах дальних и печальных выжить,
Бывать, живать случилось нам, Борис.
По улицам Свердловска бродит рыжий
Октябрь... и в небе отражённом стынет лист.

Чуть слышно скрылись, смолкли за морями,
Моя шпана – не перечислить всех.
Под фонарями-временами замирая,
Уходят в небо, запрокинув лица в снег.

Нам умирать – не выдумать дурней.
Не лучше ль снова в ремешки
разбить сандалии?!
Ах, Саша, ну к чему опять дуэль?
Мишаня, брат! Ты погоди скандалить!

Не лучше ль, вновь по улице промчатъ,
Как бы за то (кому не лень!) не попрекали?

Отдайте крылья бронзовым плечам –
Пускай летят сквозь мглу черновиками!..

Темно и холодно. Братва! Подайте спичку!
И полстакана терпкого вина!

Пусть в глубине окраин горемычных,
Шагая как-то раз путём привычным,
Среди осыпавшихся надписей кирпичных
Прочтут потомки наши имена!..